

Признание Шэнь Хуэйцы стало каплей масла, упавшей на раскаленную сковороду — сеть вспыхнула мгновенно.

«??»

«Он ведь именно то имеет в виду, о чем я думаю?»

«Черт бы побрал этого Шэнь Хуэйцы! Он опять взялся за старое. Куда смотрит агентство? Почему ему позволяют нести всё, что вздумается? У меня больше нет сил его выгораживать!»

«Старший молодой господин сам раскрыл свои карты, кто теперь посмеет ему указывать?»

«...Какая горькая доля. Подписалась на непредсказуемую мегазвезду, а он мало того что режет правду-матку, так еще и по парням. Такое чувство, будто кто-то проклял мою удачу в фанатстве. Кому я так насолила?»

«Возвращайся домой, Шэнь Хуэйцы, просто иди домой».

«Чтобы унаследовать миллиардное состояние?»

«Ха-ха-ха, брат Шэнь, как будет время — приводи невестку поиграть в бильярд!»

«Сестры, спешу напомнить: ваш брат Шэнь его еще не добился».

«Ты... Ладно. Тебе скоро тридцать, десять лет в индустрии — влюбляйся в кого хочешь, хоть в черта лысого».

Шэнь Хуэйцы, удовлетворенно кивнув самому себе, не раздумывая лайкнул последний комментарий.

Следом за его «заявлением» в сети один за другим появились посты Чэнь Сяня и Сюй Сяннаня. Чэнь Сянь выдержал шуточный тон, опубликовав фотографию официального контракта с «Линь Юй», скрепленного подписями и печатями:

«Если вы под "соглашением" имели в виду это, то да, чистая правда — мы сотрудничаем».

Сюй Сяннань же развернул настоящую магическую дуэль с Ань Ци, выдав огромный текст, который явно ждал своего часа в черновиках. Он по пунктам, предельно откровенно, описал инцидент на сцене годовой давности:

«Здравствуйте, я — Сюй Сяннань. Я несу ответственность за каждое слово, сказанное ниже. Год назад на финальном концерте моей группы произошел несчастный случай. Всё это время я молчал о причинах из определенных соображений. Но сегодня я готов признать: неисправность микрофона не была случайностью, это был намеренный поступок одного из моих товарищей по группе. Произошедшее оставило глубокий след в моей душе — я боялся брать в руки микрофон, боялся сцены, опасаясь любого подвоха.

Возвращаясь к теме: моя встреча с господином Линем была чистой случайностью, за которую я не устаю благодарить судьбу. Для меня он стал редким покровителем, который поддерживал и ободрял меня. Он подтолкнул меня к вещам, которые я любил, но на которые не отваживался, и подарил мужество снова выйти к зрителям.

...И последнее. Приглашение на концерт исходило от меня. Между нами никогда не было тех грязных отношений, о которых трубят слухи. Я не позволю доброму человеку стать мишенью для ядовитых стрел общественного мнения, и не желаю видеть, как лжецы, фабрикующие факты, процветают».

Тройной удар от главных действующих лиц поставил под огромный вопрос теорию о «содержанцах» и грязных сделках. Шэнь Хуэйцы, внезапно превратившийся из обычного работяги индустрии в наследника технологического гиганта, одним своим статусом разрушил любые домыслы о спонсорстве — смешно было предполагать, что такому человеку нужны чьи-то подачки. Чэнь Сянь предъявил сухие факты контракта. Но интереснее всего выглядело признание Сюй Сяннаня.

В его словах образ господина Линя был диаметрально противоположен тому, что рисовал Ань Ци. Для одного он был благородным и чутким наставником, для другого — жестоким капиталистом. Финальная фраза Сюй Сяннаня и вовсе не оставляла пространства для маневра: было ясно, в кого именно он целится, хоть имя и не было названо.

Сетевое сообщество раскололось. Одна часть пользователей, увидев официальные опровержения, притихла. Другая же, напротив, начала буйствовать еще активнее, сосредоточив огонь на самом соглашении между Линь Суе и Ань Ци.

Ведь речь шла о человеческой жизни. Из обрывков фраз в посте Ань Ци вырисовывался образ черного дельца, бросившего умирать беспомощную старуху. Пока Линь Суе не ответит на это обвинение, оно останется самым мощным оружием против него.

Шэнь Хуэйцы, видя, что градус дискуссии только растет, подошел к Линь Суе и тихо спросил:

— Сяо Е, что ты задумал? Я могу чем-то помочь?

Линь Суе слегка качнул головой.

— Ты и сам видишь: сейчас все нападки строятся вокруг одной фразы — "досрочное

расторжение договора и прекращение медицинской помощи". Хо Хэн прекрасно меня знает, это он надоумил Ань Ци написать именно так. Он уверен, что я, в силу своего характера, не стану раскрывать истинную причину разрыва.

Он усмехнулся, в его глазах блеснула холодная ирония.

— Эта причина слишком жалка и неприглядна. И он знает, что я не впутаю в эту грязь Цзян Вэйчжи.

Линь Суе сделал короткую паузу, поясняя:

— Это тот парень с длинными волосами, которого ты видел. Я помогал Ань Ци ради него, и контракт расторг тоже из-за него.

Шэнь Хуэйцы промолчал. На самом деле он уже знал об этом — едва Цзян Вэйчжи появился на банкете, он навел о нем справки. Но, наткнувшись на некоторые личные подробности, Шэнь Хуэйцы вовремя остановился, понимая, что Линь Суе это вряд ли бы понравилось.

Приходилось признать: Хо Хэн действительно изучил Линь Суе. Тот ни за что не стал бы выгораживать себя за счет репутации Цзян Вэйчжи.

— Именно поэтому он решил, что мне нечем крыть. Он думает, что без объяснения причин я навсегда останусь в глазах толпы бессердечным дельцом, а Ань Ци — несчастной жертвой.

Линь Суе лениво подпер голову рукой, его голос был пропитан нескрываемым сарказмом.

— Но они оба кое-чего не учли.

— И чего же? — прищурился Шэнь Хуэйцы.

Линь Суе опустил взгляд и вдруг негромко рассмеялся, его лисьи глаза слегка сузились. Шэнь Хуэйцы смотрел на изгиб его губ, но не чувствовал в этом смехе ни капли радости — лишь едкую насмешку и... едва уловимую, но глубокую печаль.

— Они не учли того... что я и не думал прекращать помощь матери Ань Ци.

Глаза Шэнь Хуэйцы расширились от изумления. В памяти мгновенно всплыли кадры той ночи после банкета. Линь Суе тогда казался воплощением бесчувственности; в лунном свете его лицо было холодным и отстраненным, а слова — беспощадными: «Я больше не коснусь лечения твоей матери, рассчитывай только на себя», «Как видишь, я именно такой — жестокий и равнодушный, и мне плевать на чью-то жизнь».

Но сейчас Линь Суе сидел перед ним, небрежно подперев лоб рукой, и в его светлых глазах дробилась улыбка, не достигавшая дна. Находясь в самом эпицентре бури, он буднично произнес:

— Я не прекращал платить по её счетам.

У Шэнь Хуэйцы перехватило дыхание. Темные демоны, которых он годами прятал под маской вежливости, начали пробуждаться, оплетая сознание.

— ...Почему?

Линь Суе медленно моргнул, его длинные ресницы дрогнули.

На следующий день после банкета он отправился в больницу, чтобы навестить мать Ань Ци. Он сам устроил её в частную клинику, с которой сотрудничала корпорация «Линь». Женщина была в тяжелом состоянии, без надежды на выздоровление; современная медицина лишь поддерживала искру жизни в этом иссохшем теле.

В тот солнечный полдень Линь Суе, с охапкой свежих лилий, вошел в палату. Ань Ци уже давно не появлялся у матери. Старушка, чьё сознание было затуманено болезнью, приняла вошедшего за своего сына.

Её морщинистое лицо расплылось в улыбке, затянутые пеленой глаза заблестели от слез. Она слабо ухватила Линь Суе за руку:

— Сынок, ты пришел навестить маму? Сяо Ань, я так по тебе скучала.

Она дрожащей рукой потянулась к его лицу.

— Почему ты такой худой? — Она нахмурилась. — Не забывай есть из-за работы. Тебе нужно хорошо питаться, высыпаться и беречь себя.

Линь Суе молча смотрел на неё. Она знала, что её дни сочтены, и понимала, каким бременем легла на плечи сына. Она думала, что он слишком занят, чтобы приходить, и потому каждую редкую встречу воспринимала как последнюю — с надеждой, нежностью и бесконечной тревогой.

После долгого молчания Линь Суе перехватил эту сухую, почти лишённую плоти руку и мягко произнес:

— Хорошо. Я обещаю. И вы тоже берегите себя.

Она улыбнулась, и слезы покатались по её щекам, впитываясь в подушку.

— Сяо Ань, — прошептала она. — Ты должен быть благодарен господину Линю, понимаешь? Он твой спаситель и мой благодетель. Ты должен отплатить ему добром.

Линь Суе промолчал. Заметив, что «сын» не отвечает, женщина заволновалась, её хватка стала крепче.

— Сяо Ань, ответь мне.

На сердце Линь Суе словно капнули густой тушью — стало горько и мутно. Старушка широко открыла глаза, в её хриплом голосе послышалось отчаяние:

— Сяо Ань, ответь маме!

— ...Хорошо, — выдохнул Линь Суе.

Только тогда она успокоилась и расслабила пальцы. Сил у неё почти не осталось, веки начали тяжелеть.

— Отдыхайте, — тихо сказал он.

Она нехотя закрыла глаза, стараясь подольше удержать в памяти расплывчатый силуэт перед собой, чтобы было чем утешаться в оставшиеся дни.

— Я приду снова. Спите, — добавил Линь Суе.

Получив это обещание, она окончательно провалилась в сон.

Линь Суе не спешил уходить. Он выбрал из букета самые красивые лилии, подрезал их и поставил в вазу, добавив жизни этой стерильной, пустой палате. Лишь за дверью он набрал номер директора клиники.

— Расходы пациентки в VIP-палате на восьмом этаже по-прежнему берет на себя корпорация «Линь». При любых изменениях используйте лучшие препараты и методы. Все счета направляйте нам.

Жизнь матери Ань Ци поддерживалась огромными деньгами. Тех грошей, что зарабатывал сам Ань Ци, не хватило бы даже на малую часть лекарств. Если бы Линь Суе действительно отступил, она бы не протянула и недели.

Закончив свой рассказ, Линь Суе спокойно посмотрел на Шэнь Хуэйцы.

— Я не пытаюсь строить из себя святого, и это не был приступ внезапного милосердия. Я просто четко разделяю Ань Ци и его мать. Для меня она — лишь умирающий человек, нуждающийся в помощи, а не дополнение к его личности. Тогда я видел перед собой просто... пожилую женщину. Я знал, что если не помогу ей, то буду жалеть. Вот и всё.

Шэнь Хуэйцы отвел взгляд. Он чувствовал, как его сердце сжимают невидимые тиски. Дышать стало трудно.

Он привык честно признавать: он не был добрым человеком. Если дело не касалось того, что ему дорого, он мог с холодным любопытством наблюдать за чужой бедой и даже подбросить дров в костер. А если кто-то посягал на его собственность... участь Шэнь Жуня была тому примером.

Шэнь Хуэйцы глубоко вздохнул, осознав, насколько они с Линь Суе разные. Он снова посмотрел в эти янтарные глаза, такие чистые, что в них не было ни капли примеси. Скрытая в нем тьма окончательно вырвалась наружу.

И это было прекрасно. Отныне то, что не захочет делать Линь Суе, сделает он. Он сам разделается с каждым, кто посмеет огорчить его Сяо Е. Все препятствия и всех врагов он устранил одного за другим.

«Как же нам повезло, — в темных глазах Шэнь Хуэйцы вспыхнул странный, почти безумный восторг. — Мы идеальная пара».

Буря в городе Юнь и не думала утихать. Сетевое негодование разрасталось, словно сорняк в пожаре. Сотрудники корпорации «Линь», пытавшиеся выступить в защиту своего босса, лишь подливали масла в огонь — их голоса тонули в яростных нападках толпы.

«Обеление зашло слишком далеко. Рассказываете про премии и бонусы? Хватит уже грезить наяву».

«Когда я учился, даже с пособиями для бедных мухлевали. А тут целый магнат лично проверяет положение каждого сотрудника? Хоть бы ввали правдоподобнее, просто смех».

«Вы скорее поверите в доброту капиталиста или в то, что я — воскресший император Цинь Шихуанди?»

«Мое почтение, Ваше Величество».

И когда волна хейта достигла своего пика, виновник торжества наконец прервал молчание. Линь Суе не написал ни слова. На официальной странице корпорации просто появилось три изображения.

Первое — копия соглашения с Ань Ци. Второе — отчет о доходах, которые Ань Ци принес «Линь Юй» (сумма была смехотворной). Третье — выписка из банковского реестра клиники. Последний платеж был совершен сегодня, в одиннадцать часов утра.

Ань Ци сидел на полу в своей тесной съемной камерке, привалившись к стене и слушая вой ветра за окном. Его лицо было мертвенно-бледным, но взгляд оставался пугающе спокойным. Он замер, напоминая сломанного игрового персонажа.

Внезапная вибрация телефона заставила его вздрогнуть. Он заторможенно открыл уведомление.

Когда Хо Хэн нашел его и приказал сделать это, Ань Ци понимал: он лишь инструмент в чужой войне. Его рукой Хо Хэн выпускал первую стрелу в Линь Суе. Это было подло, он знал это, но у него не было выбора.

С того дня, как он покинул дом Линей, Ань Ци жил как в тумане. Слова Линь Суе о том, что он не достоин быть даже его игрушкой, окончательно отрезвили его. Он понял, что всё благополучие было лишь милостью, которую могли забрать в любой миг.

Страх накрыл его с головой. Предложений о работе почти не было, после съемок в «Идущем по снегу» его ждало долгое затишье. Без денег мать была обречена. Он боялся больницы, боялся звонков оттуда, боялся счетов. Мама была его единственной ниточкой, связывающей его с этим миром.

К счастью, клиника не беспокоила его всё это время. Он думал, что её состояние стабилизировалось, но понимал, что Дамоклов меч всё еще висит над его головой. И когда Хо Хэн предложил «помощь», Ань Ци пошел на эту сделку.

Дрожащими пальцами он открыл пост в аккаунте корпорации. Увидел три картинки.

Бам.

Последние капли крови отлили от его лица. Он в неверии увеличил выписку из банка. Руки затряслись так сильно, что телефон едва не выпал.

«Этого не может быть. Не может...»

Линь Суе ведь ясно сказал, что больше не поможет ему. Как же так?

Он смотрел на огромные суммы, перечисленные за лечение, и чувствовал себя побитым псом. Он забился в угол кровати, содрогаясь от рыданий. Оказалось, состояние матери не улучшилось само по себе — счета просто оплачивались кем-то другим задолго до того, как они попадали к нему в руки.

Телефон со стуком упал на пол. Ань Ци согнулся пополам, и из его горла вырвался хриплый, надрывный стон. Дамоклов меч не упал. Но именно сейчас он почувствовал, что ему вынесли смертный приговор.

Линь Суе не произнес ни слова, но эти три фотографии стали тремя звонкими пощечинами для всех злопыхателей.

«Погодите, дайте мне переварить. Вы хотите сказать, что Ань Ци принес компании меньше миллиона, а Линь Суе оплатил лечение его матери на семизначную сумму?»

«То есть Ань выложил пост в девять утра, а Линь в одиннадцать того же дня продолжал платить за больницу?»

«? Ань Ци же ныл, что Линь заставлял его заработать десять миллионов, прежде чем поможет матери?»

«Он еще врал, что Линь Суе бросил её без помощи. Тогда на чью могилу ушли эти семьсот тысяч в одиннадцать утра? Может, кто-нибудь объяснит?»

«Черт, нас что, развели как детей?»

Сотрудники корпорации «Линь», наконец, получили право на ответный удар. Они буквально набросились на недавних критиков:

«Не знаю, как там у вас, а у нас бонусы — реальность. Вот, всего лишь приз за третье место в корпоративном конкурсе. Кстати, такие конкурсы у нас после каждого крупного проекта проводят».

[Фотография: полный набор гаджетов известной фруктовой марки]

«Не знаю, кто там сочинял про вранье, но вот выписка по ежемесячным субсидиям для сотрудников».

[Фотография: банковская выписка с начислениями]

«И уж совсем не знаю, кто там мнил себя императором, но наш босс — лучший в мире».

Система 996, наблюдая за тем, как общественное мнение разворачивается быстрее, чем ребенок меняет гримасу на улыбку, изумленно захлопала крыльями:

[Носитель, когда ты успел навестить мать главного героя-шоу?]

Линь Суе неторопливо отхлебнул воды:

— Когда ты в прошлый раз ныл, что у тебя мало энергии, и ушел в спячку, потому что сюжета всё равно не предвиделось.

[996: ...]

Сон вредит карьере!

То-то хозяин называл всё это «детскими забавами». Он ведь говорил, что даже если Шэнь Хуэйцы и остальные двое отвернутся, у него есть план. А они, напротив, горой встали за него.

Получается, всё это утро Линь Суе просто наблюдал за этой комедией, глядя на сетевых хомячков как на цирковых артистов?!

[Носитель, — подал голос 996, — что ты теперь сделаешь с Хо Хэном и Ань Ци?]

В глазах Линь Суе мелькнула опасная искра. Он произнес неторопливо и веско:

— Раз уж меня ни с того ни с сего тяпнула бешеная псина, я пересчитаю ребра и ей, и её хозяину.

<http://bllate.org/book/16112/1586450>